

ТАТЬЯНА КРАСИЛЬЩИКОВА

Города
слышат
море

О КОШКАХ, САМОЛЕТАХ И ЛЮДЯХ

Татьяна Красильщикова

Города слышат море

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63178648

ISBN 9785005179548

Аннотация

Эта книга о том, что все мы связаны невидимыми ниточками. О том, что если любишь человека, или солнечный город у моря, или вредного кота – они всегда рядом, даже если очень далеко. Ещё о том, что если встреча состоялась – расставания нет. И о том, как трудно и как важно в это всё поверить.

Содержание

Города слышат море	5
Глава 1. Осень	8
Сентябрь. Дом всегда на своем месте	8
Октябрь. Одиночества нет	23
Ноябрь. Город тумана	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Города слышат море

Татьяна Красильщикова

© Татьяна Красильщикова, 2020

ISBN 978-5-0051-7954-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Города слышат море

*Надо же так случиться —
Я родилась стократно,
Тень моя вечно бродит
В разных концах земли.
В небо взлетаю с птицей,
(это – невероятно!),
Чувствую, как качает
Море свои корабли.
Мира впитать огромность,
Быть с ним все время рядом,
Время ловить сквозь пальцы,
Слышать через века.
Плата за то – бездомность,
Вечность за то награда,
И если так умеешь —
Больше нельзя никак.
Бьются во мне под кожей
Тысячи лет дороги.
Мира в тебе так много,
Сколько представить сможешь.*

Еду в ночном поезде. Колючее одеяло сползает с полки, рядом храпят чьи-то ноги. Мимо проносятся такие же вагоны – временные домики, полные людей. Сейчас поезд подьедет к Москве, а утром нас будет встречать Санкт-Петербург. Мне всегда надо уезжать. Не могу по-другому. Когда дол-

го нахожусь на одном месте, все как-то теряет свой смысл. Поезда я ненавижу, самолетов боюсь, перед дорогой часто паникую и пытаюсь остаться дома. Но в глубине знаю: мне безумно важно соединиться с чем-то новым, неизведанным и далеким – так душа оживает и снова начинает сиять. И, несмотря на все страхи, я снова собираю чемодан, запрыгиваю в вагон поезда, захожу по трапу в салон серебристых и зеленых самолетов, взмываю в небо вместе со всеми своими тревогами и сомнениями. И когда шасси касаются асфальта в аэропорту прибытия, все тревоги забываются. Ветер нового места гладит меня ласковыми крыльями и неожиданно говорит: вот ты и дома.

Поверить ли этим ветрам? Пока не знаю. Вот у меня вроде есть дом в Нижнем Новгороде (знакомые стены, пушистый ковер, чайник), а вроде и нет. Будто душа сложена из тысячи кусочков, тысячи домов зовут к себе, и в каждом я разная. Но это все я. В далеком, еще не увиденном Лондоне я бреду в сумерках под ярким зонтом, затерявшись в толпе; в еще не знакомом Марокко трогаю каменные стены, нагретые восточным солнцем; в Стокгольме пью кофе в помещении с белыми стенами и деревянной мебелью. Я вижу это так же отчетливо, как вижу соседние дома из окон многоэтажки в Нижнем.

Я есть, есть по всему миру. Невозможно подумать, что когда-нибудь я перестану возвращать своей душе эти ее разрозненные, разлетевшиеся осколки. Я непрестанно ощущаю

кожей ветры других стран, слышу море, гул далеких кораблей... я всегда отвечаю, всегда стремлюсь навстречу. По-другому не умею. Да и не хочу.

Эта книга – про то, что расставания нет. Про то, что если ты с чем-то однажды встретился по-настоящему, всем сердцем, оно всегда остается рядом. Будь это теплый приморский город, яркий человек или даже вредный красивый кот.

Глава 1. Осень

Сентябрь. Дом всегда на своем месте

Когда лето, всегда стараешься вместить в теплые дни как можно больше ярких событий. Съездить на природу, встретиться с друзьями, отправиться в путешествие, посмотреть множество рассветов-закатов, успеть надеть все летние легкие платья, наестся ягод и фруктов. Море дел, море людей, море передвижений – ради того, чтобы наполниться, напитаться летней радостью, чтобы как можно больше ощутить и запомнить.

А потом наступает осень, дождливая, кофейная, одеяльная осень, и, ловя внутри самое яркое летнее воспоминание, ты неожиданно обнаруживаешь себя просто сидящим на деревянной лавке в старом дворике, залитом жарким июльским солнцем. Пахнет тополем и клевером, воздух раскален и неподвижен, разошедшиеся доски нагрелись от солнца. Скрипят качели, скользят по асфальту узорчатые тени листьев. В высокой траве крадется рыжий кот. А ты сидишь и даже не думаешь ни о чем, ты просто птичка, ты листок одуванчика, ты дикое яблоко с ветки, ты всего лишь часть окружающего, и, как и всё вокруг, растворяешься в июльском бесконечном тепле.

Получается, что все лето бегаешь за впечатлениями, а запоминаешь только те моменты, в которые останавливаешься.

В жизни так же.

Этим летом я сделала то, о чем давно мечтала – на целый месяц уехала жить на море. Не отдыхать, нет, именно жить. Мне хотелось понять, как себя ощущаешь, когда у тебя за окном не бетонные стены, а живая, дышащая, громкая морская вода.

Хотелось сыграть в игру, будто я каждый день вот так просыпаюсь от крика чаек, а не от шума машин с проспекта и звуков ближайшей стройки. Выбегаю к прохладному утреннему морю, шагаю по мокрому после дождя песку, вдыхаю морской запах. Дома завариваю липовый чай с ложечкой меда. Днем пишу тексты на балконе в компании настоячивых чаек, косящих хитрым глазом на мое блюдо с печеньем и персиками, вечером выхожу к морю, читаю хорошие книги, а потом провожаю солнце и смотрю, как темнота скрывает последние лучи заката.

...Я прямо видела, как все лишнее, ненужное остается в пыльном каменном городе, а в моем чемодане лежат исключительно свежесть, радость, интерес и полезные привычки.

Сначала все так и было. Белый самолет (белый – это для красоты образа, на самом деле он был зеленый) поднял меня

и мой легкий чемодан в небо и доставил нас в приморский болгарский город. Первую неделю я активно распаковывала чемодан: доставала из него то легкое удивление, то искристую радость, то вкусное волнение. Когда все наконец-то улеглось по полочкам, в дверь постучали – доставили дополнительный багаж, «ваше-ваше, не сомневайтесь». Это оказалась маленькая корзинка с тревогой. «Ну, раз без этого никак...» – подумала я.

На следующий день стук раздался снова. Это были коробки с тоской, сумки с усталостью. Я уже все поняла. В следующие дни в чемоданах приехали: грусть, скука, вредные привычки, растерянность. На сладкое доставили красиво упакованную головную боль и бессонницу. Я еле успевала подписывать документы о получении. Мое, мое, что тут отпираться.

Куда бы ты ни приехал, главный багаж – это ты сам.

От моря я хотела определенности и покоя. Вот чтобы с утра встаешь – и точно знаешь, что будет дальше. Чтобы солнце падало в море в одном и том же месте в одно и то же время. Чтобы быстро выучить в лицо всех местных чаек и знать, от кого чего ожидать. Как я ошибалась!..

В день приезда я стояла на берегу, вдыхая влажный ветер. И тут из-за плеча – вкрадчивый голос: «А вот мне мама в детстве всегда говорила...». Оборачиваюсь и вижу незна-

кому-то женщину. Она, кажется, настроена говорить со мной. «Мама мне говорила: если чайка села в воду – жди хорошую погоду; чайка ходит по песку – моряку сулит тоску. Вот теперь всегда хожу и наблюдаю, чего ожидать».

От неожиданности сразу начинаю искать глазами чаек. Сегодня они сулят тоску. Хотя... нет, и хорошую погоду тоже. Даже в этом не могут договориться. Вы уж определитесь!

Да нет здесь никакого постоянства и предсказуемости. Тут жизнь подчинена настроению моря. Полный штиль, упругая и гладкая поверхность воды, прозрачная глубина – это зеленый флаг. Норовистые «барашки», белая пена, порывы ветра, прыжки на волнах – желтый. Если с утра подняли красный флаг – море не в настроении, ожидай шторма. После урагана на берегу окажутся сотни и тысячи рыбок, ракушек, обрывки медуз и тины, мелкие гладкие камни, и любопытные чайки будут гулять по песку, разглядывая их, трогая клювами.

На море все может измениться в одну минуту – только что было тихо, и вдруг поднялся ветер. Миг назад вода была изумрудной – а стала белесо-серой. Тучи стремительно наплывают на солнце, а следы от дождя на песке высыхают за считанные минуты. Все может измениться.

Сегодня я говорю близким в окошке скайпа: «Сейчас зеленый флаг». На море важно только это. Сейчас зеленый флаг, все хорошо, все спокойно, и я стараюсь наслаждаться этой минутой.

Сентябрь всегда напоминает мне о моей Земле. Это место, в котором я родилась и выросла. Неважно, что это просто один из районов Нижнего Новгорода и один из многочисленных дворов. Для меня это целая Земля, я ее люблю и стараюсь чаще возвращаться туда.

Многое изменилось. Гуляя там по вечерам, я вижу, что у знакомых магазинов теперь новые вывески, от старых деревьев остаются пеньки, по-другому выглядят дворы. В доме, где продавались самые вкусные на свете булочки с маком, теперь расположился банк. Я помню, как бежала в эту кондитерскую через свой большой двор, подпрыгивая от нетерпения, сжимая в руке деньги и повторяя про себя то, что сказала мама: три булочки с маком и два эклера...

Старые качели с десятью слоями краски, привычно-скрипучее место сбора всей детворы, заменили новыми, красивыми, конечно, но совсем чужими. Я всегда очень расстраивалась из-за этих изменений. В какой-то момент мне вообще показалось, что я теряю свою Землю. Что все уже не так и не то. Что в этом месте остались лишь мои воспоминания о ней, но не она сама.

В таком настроении я брела по аллее недалеко от своего детского дома. И тут в небе надо мной появился закат. Он был такой же, как был здесь все годы, что я его помню. Подсвеченные с запада тучи, темно-лиловые, тепло-лило-

вые с брусничной каймой, почти лежащие на крышах красных высоток. Фонари, как всегда рано зажженные, льют желтый домашний свет на тротуары. Сгущаются сумерки, пахнет клевером и тополями, клейкий и сладкий запах, и еще какая-то непонятная трава, неизвестная, но знакомая с детства.

На этой Земле я любила любую погоду. В дождь можно было сидеть на подоконнике и смотреть, появились ли пузыри на лужах (значит, скоро закончится и можно будет идти гулять!), зимой отогревать руки под теплой водой в ванной и сушить варежки на батарее. Мне нравились первые майские молнии над притихшим, посерьезневшим двором, стожки желтых листьев на обочинах в сентябре, черные бесснежные ноябрьские вечера.

Сейчас сентябрь, на небе тот же закат, и вдоль дорог снова лежат кучки осенних листьев. И вдруг я понимаю, что Земле все равно, какие на ней меняются декорации. То, что я ошибочно принимала за изменения, никакого отношения к ней не имеет. Она все та же.

Я научилась печь булочки с маком и сидеть на подоконнике в дождь там, где я есть сейчас. Дом всегда внутри нас, на своем месте. Он не теряется, теряемся – мы.

Знаете, я никогда не думала, что это правда. Что так бывает.

Есть много сказок и книг о том, как человек попадает в какое-то незнакомое место и вдруг понимает, что он – дома. До того родным оказывается все, будто миллионы раз уже тут бывал. Запахи, звуки – все тебе знакомо, и от этого становится легко, безопасно и тепло.

И вдруг со мной – случилось. Удивительно, когда твое сердце отзывается неожиданно и ясно. Когда тебе где-то становится очень спокойно и внутри угадывается ощущение, что ты долго путешествовал и вернулся домой. И когда, покидая это место, начинаешь тосковать по нему – знакомому всего лишь пару дней – так, будто изнутри ниточка накрепко привязалась сюда. И тянешься обратно. И возвращаешься, и вдыхаешь родной воздух, и успокаиваешься.

Теперь в моем сердце поселился еще один дом. Пока очень осторожно, обустроиваясь, не решаясь занять сразу много места, но с каждым днем невольно вращая, пуская корни, живет во мне болгарский город Варна.

Варна – это поэзия каждого дня. Здесь не происходит ярких событий, нет сногшибательных достопримечательностей. Здесь есть много солнца и много людей. Время скользит как лучи света по стенам старых домов, неторопливо и очень спокойно. Дни проходят незаметно, наполненные встречами за чашкой кофе, морским ветром и солнечными бликами на тротуаре. Ты не получаешь сильных впечат-

лений, не совершаешь подвигов – ты просто есть. Вряд ли ты вспомнишь хоть один из этих дней. Но они станут тобой – твоими руками, волосами, твоим дыханием, твоей силой и светом для осенних вечеров.

А по тротуарам ходят люди, и бесконечно смеются, и на плечах у них колышется кружево из солнечного света, протекшего сквозь густую листву деревьев. Вот это она и есть, Варна.

Когда долго живешь на одном месте, начинаешь попадать в день сурка.

Каждое утро на пляже Варны ко мне подходит знакомиться спасатель. Широко улыбаясь, он спрашивает, что это такая красивая девочка грустит (а я в семь утра не грущу, я в семь утра сны досматриваю на ходу!). Потом рассказывает о том, что опять будет дождь, что снова передают плохую погоду, что он работает семь дней в неделю – утром на пляже, вечером в баре до одиннадцати. Обязательно спрашивает, как меня зовут, представляется Валерой и говорит, что если понадобится компания, он всегда готов. «Вон моя вышка, я одиннадцатый». Одиннадцатый, повторяет он.

Я зову его про себя «рыбка Дори».

Болгары говорят: «Летом, в курортный сезон, мы очень,

очень много работаем, чтобы зимой хорошо отдохнуть».

Каждый день по дороге на пляж наблюдаю меланхолического дядечку, который очень медленно, глядя на линию горизонта, сгребаёт шваброй сухие листья с дорожки. Через час иду обратно – отмечаю, что листья лежат в полуметре от прежнего места, это прогресс. А дядечка все делает вид, что работает. Через полчаса с балкона наблюдаю, как он старательно возвращает их на прежнее место. Вечером обнаруживается, что они просто сброшены с парапета в метре от их изначального местонахождения. Вот такая у дядечки работа.

Интересно посмотреть, как выглядит его отдых.

Живу в самом центре курорта. Тут музыка играет из любого чайника. До одиннадцати всех заглушает Элвис из бара напротив, после него становится слышно немецкий тумц-тумц с соседней улицы, хоровое пение, пляски с фестиваля «Славянский венец», оживленные голоса гуляющих, визг детей на батутах, сальса-анимация из пляжного кафе. Отдельный финт – игра соседей сверху на пианино (даже не спрашивайте). Или нет, спрашивайте – они там Лунную Сонату разучивают третий день. Лично у меня два вопроса: откуда у них пианино и когда все это закончится?

По берегу моря бегают девочка, хорошенькая, с двумя косичками, нос в веснушках, смеется и кричит: «Подарок от ТНТ – атомная бомба, подарок от ТНТ – атомная бом-

баааа, атомная боо-ооо-мба!». Милашка. Что за компот в голове у современных детей – кто его разберет.

Ну, и галдеж чаек, само собой – куда же без него.

Болгарские чайки – это вам не гуси, не лебеди, не утки.

Нет, вы не поняли. Их чайки – это не наша мелочь, это полноценные такие звери размером с комнатную собачку, только наглее. Едят булки и шоколад, ну и огурцы, орешки, камешки – в общем, все, что плохо лежит или что плохо держит рука туриста. Поговаривают, что они могут унести с собой дамскую сумочку и уж потом разбираться, что в ней съедобного. В общем, местная мафия. Мимо с кукурузой не ходи.

Ведут перьеципательные бои день и ночь. При появлении добычи сразу делятся на три группы. Первые хватают крупные куски еды и скрываются в ближайших кустах навсегда. Вторые начинают колошматить друг друга в попытках забрать себе крохи. Третьи же просто прыгают вокруг, хлопают крыльями, орут, возмущаются – создают шумовой фон. Все как у людей, ей-богу.

Чайка – обязательная часть болгарского пейзажа. Мои фотографии: я, дерево, чайка; я, морской берег, чайка; я, римские развалины, чайка. Без этих товарищей не обходится ни одно событие. Даже ночью, выходя на балкон, я видела ту же картину: парочка немцев, идущих с вечеринки, бес-

крайние звезды... и чайка. Они вообще когда-нибудь спят?! Немцы-то днем спят, а я сейчас не о них.

Чайки прекрасно умеют будить посреди ночи. Рекомендую.

Днем я добрая и всех люблю. Ночью я ненавижу чаек и немцев (автонабор Т9 написал «чайник» вместо чаек, но чайник тоже ненавижу, если разбудить в пять утра).

Стоит только одной-единственной твари (это я про чаек) проснуться и заявить: «Сегодня жарко!», как сразу польется хор голосов: «Ничего подобного», «Вчера было жарче», «Говорю вам, дождь будет», «Кто-нибудь, уймите этого психа».

Так же и с немцами – кажется, стоит одному выйти с дискотеки и завопить: «Болгария! Уууу!!!», как со всех концов курорта ему дружно хлопают и подвывают.

А я спать хочу, вот.

Кстати, и этот текст я пишу в половине четвертого утра, потому что наступило время Ч.

Ч – это чайки. Наглые, деловые, громкие морские чайки.

Теперь я уже уверена, что стала понимать их язык. Кто пятый день живет бок о бок с чайками, просто не может не отличать чаячьей радости от чаячьей тоски. Одна из птиц около половины четвертого утра рассказывала анекдоты, я

слышала. От смеха каталась половина стаи, другая половина громко возмущалась, похоже, анекдоты были неприличными. Я возмутилась вместе с ними, потому что, во-первых, догадалась, про что анекдот, а во-вторых, я не планировала просыпаться раньше рассвета.

Среди чаек можно сойти с ума. Уже пять утра, а я не сплю, лежу и слушаю голосовые извращения. Котенок мяукает, боже, но я-то знаю, что это наглая ложь, никакой это не кот. Заскрипели старые качели, засмеялся ребенок. Зашумел ветер, затрещали ветви старых деревьев. Гвалт, писк, скрежет. Кто-то охрипшим голосом пытается петь Rammstein.

И все это они, чайки. А, не, кроме последнего, это немцы с дискотеки возвращаются.

Но не подумайте плохого, чайки – птицы гордые. Найдут на пляже какую-нибудь хрень и весь день гордятся.

Правила такие: найти, отбить у других претендентов, зажать в клюве и красиво гулять вдоль берега. Гулять рядом со своими, чтобы все видели, но не слишком близко, а то наскочат и отберут. И да, главное – не поддаваться соблазну, не отпустить какой-нибудь комментарий во всеобщий гвалт, иначе будет как в басне про ворону и сыр. Крепятся и молчат.

Вчера одна такая особа ходила по пляжу, держа в клюве браслетик из ночного клуба. Браслетик был зеленый, кра-

сивый, на него покушались все чайки, поэтому она была особенно довольна. Выглядело это так, будто она готовится к крутой вечеринке. Вот не зря я пишу про немцев и чаек в одних текстах, чем-то они все-таки похожи.

А болгарский язык похож на чайчий. Такая же милая абракадабра.

Хотите охлюпков? Нет? Ну и правильно, я их тоже не люблю. А вот задушенные чушки беру с удовольствием...

В болгарском самое смешное, что написано кириллицей, слова похожи, а смысл совсем иной. «Охлюви» – улитки, «чушки» – перцы. Вкусны тут перцы, особенно «задушенные», как, впрочем, и «задушенные мидии». Впрочем, еду здесь не только душат. Я почти плакала над строкой меню «печен заек».

Хотите дыню? Тогда ни в коем случае не заказывайте «дыню», а то принесут арбуз, и пеняйте только на себя, ибо дыня – это «попиш», а вот арбуз как раз «диня». Названия рыб – особая категория. Как шутит мой папа, «если ципура сцепится с цацей, разнять их сможет только пстерва». А иногда встречаются особые шедевры в меню: «маленькая синяя рыба» – ну что тебе непонятно-то?

В болгарском ботаническом саду в сторонке грустно стоит «обыкновенный дрян», даже не цветет по весне, невесело ему, видно. А чего тут веселиться, если к нему «влизанетто

забранено» (вход запрещен) и везде таблички «Не пипай! Опасно за живота!».

Двери в магазины открываются простым способом: «дрыпни» и заходи. Если будешь жениться, и тебе предложат булку, ни за что не говори: «Спасибо, я не голоден», а то выйдет, что отказался от невесты, неудобно как-то.

Да, и ни за что в жизни не заучивай название гречки по-болгарски.

Сегодня я возвращала себе навык быть наедине с миром. В последнее время редко путешествую в одиночестве, а ездить с кем-то – это как замкнутая цепь, не можешь полностью развернуться лицом к окружающим тебя новым городам и странам. Не можешь полностью быть здесь и сейчас. Шутить про уличных котов с добродушными незнакомцами. Увлеченно обсуждать непонятно что непонятно на каком языке с продавцом в магазине. Бродить по солнечным тротуарам куда ноги приведут, теряться и находиться на улицах города.

А тут все это случилось в Варне. И вот я, набегавшись, сижу в уличном кафе. Ем что-то воздушное, будто сделанное из сладкого облака. Неважно, что на столах нет скатертей, что кто-то выронил из стаканчика шарик мороженого, оно лежит у меня под ногами, растекается розовой лужей, и умная чайка уже положила на него глаз. Описывает круги около

столика, ненавязчиво так приближаясь, будто бы случайно.

Хочется сидеть так бесконечно. В Варне хорошо бы остаться еще на час... еще на день... или очень надолго.

Я смотрю на местных. У них смуглая кожа, сияющие скулы, а волосы их полны ветра. Они живые настолько, насколько это возможно, когда каждое утро просыпаешься в приморском городе. В скверах шумные дети взлетают вверх на качелях, а мамы с улыбкой смотрят на них. В приморский парк бредут старики в белых одеждах. В руках у них мороженое, а совсем близко шелестят волны. Старость здесь светла и спокойна.

Варна – город лавочек, велосипедов и уютных переулочков. Чайки выпрашивают еду у туристов, дети – у чаек, и все счастливы. Город – любимчик солнца. Он это знает и с удовольствием подставляет бока своих домов под яркие лучи. Стены шершавые, неровные, и в каждой трещинке живет солнце. Свет заливает улицы полностью, от тротуаров до самых кончиков труб на крышах, поднимается еще выше золотым вихрем и растворяется в небе.

Когда я вставала, собираясь идти на автобус, из моего пакета выкатились несколько пунцовых ягод черешни и остались лежать на теплой брусчатке приморского города.

Столько жизни вокруг.

Октябрь. Одиночества нет

Вечером можно подсматривать чужие жизни.

В октябре темнеет рано, и напротив моего дома загораются окна, много-много. Я сажусь на своем балконе и смотрю кусочки чужих вечеров. Если делать это часто, то люди постепенно становятся старыми знакомыми: ты знаешь, что девочка в окне на верхнем этаже любит танцевать на кухне; а вот здесь живет большая семья, с бабушками, внуками, и стол у них огромный, и накрывает его почему-то именно папа; а в окне справа свет всегда приглушен, и почти неразличимый человек каждый вечер склоняется под настольной лампой.

Есть одно окно, это комната малыша, лет ему всего-то четыре-пять. У него сильно беременная мама, которая резко двигается по комнате, нервно застилает постель и от избытка чувств орет на сына, орет прямо всем телом, хлопает дверью и уходит. Он садится на свою кровать, обнимает колени и сидит так, долго. И я все время смотрю в его затылок и говорю ему: не грусти, не грусти, не грусти...

Кто-то точно смотрит и на меня из ближних окон. Я танцую на кухне и иногда принимаю гостей.

Одиночества нет.

В Стамбуле начинаешь особенно остро ощущать свою неотдельность. Ты никогда не сможешь закрыться от жизни, забыться, сделать передышку; где бы ты ни был и что бы ни делал, в каждый момент жизнь протекает через тебя как сильная бесконечная река, и по-другому быть и не может. Остается – жить.

Первый день в Стамбуле, первый раз в Стамбуле.

Мы брели с чемоданами по брусчатой улочке. Было градусов 40, палило солнце, мы были измучены ночным перелетом, двухчасовой очередью в аэропорту, спорами с нечистыми на руку таксистами. Мне казалось, что я уже ненавижу этот город. Мы шли, шли в гору и никак не могли найти наш отель в местных лабиринтах.

И вдруг «May I help you?» – из мечети прямо к нам вышел старичок. Показали ему название отеля, и он не торопясь повел нас по окрестностям, приветствуя соседей, разговаривая о погоде, улыбаясь местным детям, и вывел прямо к отелю. И это было волшебно.

Так Стамбул сказал: не судите обо мне по первому впечатлению.

Парк Гюльхане. Огромный зеленый остров спокойствия и солнечной мозаики на асфальте. Солнце везде: оно запутано в длинных волосах турчанок, оно убегает из-под ног детей, пока те гоняются за ним, раскрашивает стволы деревьев.

Кажется, оно даже забирается к тебе в сумку, чтобы ты мог увезти солнце с собой, в страну, где его так не хватает. На газончиках можно лежать и даже спать под коренастыми каштанами, а воздух пахнет морем и цветами.

Садимся в кафе возле Голубой Мечети. Кажется, здесь су-етно, не слишком чисто, неприветливые официанты, под ногами фантики и коты. Приносят турецкий кофе с баклавой. Один глоток – и вокруг гармония. Люди, которые умеют делать такой вкусный кофе, имеют право не улыбаться. Коты под твоим столом радостно жуют орешки с баклавы. За соседним столом ест мороженое женщина в черной чадре, а рядом подруга в топе и желтой мини-юбке. Такой разный город с божественным кофе.

Городские лешие кружили нас два часа. Точно знаешь, что за поворотом минареты Айя-Софии, но их там нет! За следующим, конечно, нет тоже. И ты понимаешь: невозможно так затеряться на участке меньше километра. Но за каждым углом тебя ждет неожиданность. Когда солнце стало заходить, Стамбул намекнул: быть одинокими и самостоятельными в этом городе – неудачный выбор. Первый же спрошенный стамбулец за пять минут вывел нас на место, которое мы искали два часа.

Когда я читала Сафарли, то не верила, что незнакомый человек может сесть рядом и заговорить сразу о том, как он

устал, о том, во что он верит или о том, как ему одиноко. Но я убедилась: это правда. Стамбульцы не тратят времени на суету, на формальности, а сразу переходят к самому главному. Знаком ли им страх не успеть чего-то важного? Не знаю, потому что все важное, настоящее происходит в каждый момент их жизни.

Стамбул – город реальности. Здесь не доверяют виртуальному миру, не ищут путь по google-картам. Спросишь дорогу – пойдут с тобой, убедятся, что ты на месте.

Здесь важно знать соседей, важно держать за руку, важно видеть своими глазами, слышать своими ушами.

Стены Голубой Мечети серые и шершавые, нагретые солнцем. Бублики-симиты мягкие, пахнут тестом и кунжутом. Вечерний воздух тяжелый, немного влажный, и в нем особенно гулко звучат шаги поздних прохожих. Это то, что я знаю о Стамбуле.

Когда на осенний Стамбул опускается темнота, все становится желтым и выпуклым: изгибы брусчатых улиц, узкие переулки, трещины на стенах домов. Местные коты шныряют по улицам желтой тенью. Казалось бы, никого нет. Но проходит запоздавший человек – вслед оживают окна, сдвигаются занавески...

Местами на остывших каменных порогах сидят стайки детей и уставшие большие мамыши, где-то играет музыка, кто-то танцует. Женщина прямо из окна бранится на проходящего мимо старика. Здесь ты никогда не одинок.

В Стамбуле невозможно одиночество. Здесь плачут, расставаясь с близкими на пару дней, плачут на вокзалах, автостанциях, в аэропортах. Здесь люди так сильно любят друг друга, что им не нужно других смыслов происходящего.

Ночью сквозь сон слышу, как в мечетях поют – зовут на ночную молитву. Уставшая, полная солнца, поворачиваюсь на другой бок и засыпаю. Просыпаюсь под утро от того, что впервые за много лет смеюсь во сне.

В октябре в Нижнем Новгороде природа просто космос. Мы как-то раз пришли к городскому озеру с мамой в середине недели, вокруг тишь да гладь. Ни единого человека вокруг. Идиллия. Пастораль. Слышно как листья с деревьев падают. Мы спустились на мостки. Поверхность воды, неподвижную, стылую, вдруг прорезали множество прямых линий, будто сотни маленьких самолетов оставили след своих трасс.

Оказалось, что со всех концов озера к нам плывут утки, торопятся из всех утячих сил. Некоторые даже пытались перейти на бреющий полет, чтобы обогнать остальных. В этот момент мы были единственной их целью. Утки были настро-

ены решительно. Пришлось откупиться батоном (ну ладно, мы специально для них его принесли). Если бы батона не было – возможно, они вышли бы на берег и стали проверять наши карманы на предмет «есть чо?». Кидаем крошки в воду – а воды уже и не видно, утки кишмя кишат, ныряют за утонувшим хлебом орут друг на друга, дерутся, с бранью гоняются за особо удачливыми, словом, ведут себя неприлично. Когда мы уходили с мостков, вслед еще долго слышали криканье с элементами ненормативной лексики.

Мне так понравился этот контактный зоопарк, что я решила показать его мужу. Мы набрали хлеба и пришли к тому же самому озеру. Это был последний день длинных выходных. На мостках стояло десять человек с пакетами батончиков. Обожравшиеся уточки качались на поверхности воды, будто их игрушечные копии в детской ванне. Они не могли смотреть на хлеб, слышать про хлеб, думать про хлеб, а настырные люди пытались их накормить («может, они просто не замечают?»). Одного жирного селезня прямо по голове стукнул целый сухарь, селезень лениво пытался увернуться.

В этот день уток было заметно меньше. Добрый муж предположил, что от перекорма часть уток потонула. В глазах птиц отчетливо читалось отвращение к жизни в целом.

«Гуси-гуси! – закричал какой-то малыш с берега. – Гуси-гуси, га-га-га! Есть хотите?»

«Нет-нет-нет!!!», дружно ответили «гуси».

Муж встает рано. В рассветных осенних сумерках он идет на кухню и дает кошке пакетик корма. Она кидается на корм, вгрызается в паштетную массу, похрюкивая от удовольствия. Дома примета: есть хрюк – значит, корм качественный. Ну, или коша очень голодная.

Я встаю позднее. Сытая Рысь лежит на пуфике, растянувшись во всю ширину. Один ее глаз косит на меня: может, что-нибудь тоже дашь? Я достаю из шкафа витаминки, кидая ей одну штучку, как положено. У витаминки круглый бочок, она долго и далеко катится по полу. Рысь сопровождает ее походкой вальяжной пантеры. Она знает: эта добыча далеко не уйдет.

Так начинается наш день.

Мы страшные люди. Мы снова потеряли доверие кота и разрушили ее привычный домашний мир. Аж в третий раз.

Впервые это случилось, когда я принесла домой лазерную указку – мол, пусть котик поиграется, это же так весело. Рысь увеличилась вдвое, боялась сдвинуться с места и долго орала на лазер тягучим кошачьим матом. Следующие пару недель она передвигалась по квартире медленно и при любом шорохе распушалась и превращалась в злобный испуганный шар.

Второй раз – это когда мы вывезли ее на прогулку. Вокруг было тихо и спокойно, ни собак, ни людей, солнышко там,

цветочки. Рысь отказалась выходить из переноски. Выглядело это так: я стою с поводком в руке, поводок уходит в пластиковый домик, и в целом выглядит это так, будто я выгуливаю переноску. Пришлось вынуть Рысь и спрятать переноску подальше. Котик не растерялась и гусеницей вползла под решетку ливневой канализации. Получился кот в окопе. Мы вытащили ее и оттуда. Тогда Рысь расплющилась по земле как камбала, закамouflяжилась в траве, оттуда торчали только два паникующих желтых глаза. Еле соскребли кота, чтобы отправить домой. С тех пор при слове «гулять» она бежит под кровать и готовится отбиваться всеми лапами.

Третий раз случился на днях.

Мы решили поменять ей лоток. Убрали старый и поставили новый. Да, мы те еще отморозки.

Программы в котячьей голове смешались. Почти сутки она терпела и не ходила вообще никуда (при всей внешней наглости Рысь очень деликатна). Пришлось вернуть и старый тоже. В ванне стояло два лотка. Как-то медленно и осторожно коша стала ходить в старый, а потом растерянно скребла лапой в новом. Потом наоборот. Ходила по квартире загадочная, задумчивая, а в глазах метался вопрос: как теперь жить?

«Держись, Рысь, сейчас у всех непростые времена», – говорит ей муж. Но кота это не утешает.

Усатая личность не только темпераментна, но и умна. Если бы с такой прыгучей энергией сочетался еще и недостаток мозгов, это было бы катастрофой. А так – все в комплекте. Своевременная мурчавость, меткий кусь и подшерсток цвета кофе с молоком прилагаются.

Но я же где-то прочитала, что котам полагается развивать интеллектуальные способности. Автор придумал взять вкусняшку, завернуть в шуршащую бумагу и спрятать куда-нибудь, скажем, под ковер. Дальше нужно было сказать: «Вперед, Пинкертон!» и наблюдать за тем, как кот пытается выцарапать ее оттуда.

Первая попытка удалась. Рысь быстро справилась, правда после этого как-то приуныла и от второго раза отказалась. Тогда я пошла дальше. Мы купили ей картонный лабиринт, в который надо кидать вкусность. Отзывы на сайте были разными. Одна женщина писала, что ее кот расценил эту игрушку как приглашение поспать, пошел и лег всем своим толстым весом на коробку сверху. Другая писала, что ее кошка обрадовалась («бумашшшшка, бумашшка!») и разгрызла все нафиг.

Но все же мы решили попробовать. Я честно бегала вокруг и говорила: давай, давай, все получится! С людьми это часто срабатывает. Рысь немного пошарила лапой в коробке, подняла глаза на нас и вздохнула. «Хозяева, вы идиоты» – прочитали мы в этих глазах. Нехотя она выцарапала из коробки кусочек мяса. В ее движениях ясно читалось, что она

на это не подписывалась. Каждый раз, когда я кидала вкусность внутрь, она смотрела на меня как на дурочку. Ну я же здесь, хозяйка, кидай прямо в рот, зачем все так усложнять? Пару раз она пыталась перехватить еду прямо в полете. Это ей не удалось. Тогда Рысь немного всплакнула и сказала: вы что, меня больше не любите, да?!

Этот трюк действует на меня безотказно. Всегда.

Теперь вкусняшки отправляю ей сразу в рот, без всяких посредников. Вот так кот выдрессировал человека.

Утро вышло немного хмурым. Трудно было рано встать, в лифте встретился неприятный сосед, долго стояла в пробке, в итоге парковки для машины не нашлось, пришлось ставить далеко и идти пешком.

Топаю по ледяной улице в одном свитере, ветер продувает насквозь. Люди вокруг такие... четверговые – это когда уже успел устать от рабочей недели, но еще не светишься в ожидании выходных. Сумка тяжелая, настроение вообще не айс.

Забегаю в кофейню, на ходу заказываю капучино с корицей. «Напиток для Татьяны готов!». Подхожу к стойке забирать и вдруг...

И вдруг вижу: пенка у кофе – цвета карамели, а сверху заботливой рукой выведено сердечко, корица раскидалась по поверхности как звезды в августовском небе, и пахнет все это уютом и новыми надеждами. Я прямо залюбовалась. Буд-

то задышала заново.

«Как красиво!» – не выдержав, сказала хмурой утренней девочке-баристе. «Спасибо, я старалась», – улыбается она, поднимая глаза.

И я вижу, что и она – задышала.

Заметили? Со вчерашнего дня все изменилось.

Когда гусеница заматывается в кокон, а потом вылетает оттуда бабочкой – многие думают, что у нее там, внутри, просто отросли крылья. На самом деле внутри кокона происходят сложные биохимические процессы; по сути, тело гусеницы почти полностью распадается (остается только остов) – и собирается заново в совершенно иное тело из тех же элементов. Вот такая магия природы.

А вчера тоже магия случилась. За одну ночь мир, обмотавшись коконом темноты, переродился из лета в осень.

Весь предыдущий сентябрь и часть октября казались продолжением бесконечного, щедрого, сияющего августа. Будто смотришь доолгий летний закат. Очень медленно опускается солнце и ложатся тени, но все-таки это еще он – тот самый день августа.

А тут вдруг просыпаешься утром – а мир другой. Закат закончился, начался новый рассвет, осенний. Краски вокруг будто выцвели, покрылись прозрачной дымкой, и эта дымка везде: в холодном воздухе, на желто-коричневых листьях,

на утреннем сером асфальте. Хочется не спеша скользить по улицам, наблюдая, как рождается осень.

И вот ты едешь по городу – и чувствуешь, как вместе с осенью заново рождаешься и сам.

Октябрьский вечер. За окном однообразно шелестит дождь, струи воды сбегают по стеклу вниз. Сумерки.

Я сижу на диване, Рысь – в диване. Там внутри хранятся пледы и покрывала, и она обустроила себе уютное гнездышко. Заглядываешь – а оттуда светятся два желтых глаза, и кисточки на ушах шевелятся. Она любит сидеть там – как бы рядом со мной, но все же отдельно.

Получается такое двухместное купе с верхней и нижней полкой. Тук-тук, тук-тук, тук-тук, стучит ливень по жестяному карнизу. Ложечка звенит о бока стакана. У нас тут теплое окошко и много пледов на двоих. Монотонный шелест укачивает, баюкает, словно движение поезда, глаза слипаются, и мы с Рысью вместе уезжаем, уплываем куда-то под звуки осенней ночи...

Ноябрь. Город тумана

В ноябре не пишется.

В черно-желтом ноябре просто ходишь по улице, рассматривая темные силуэты веток на фоне жемчужного неба. В черно-белом ноябре смотришь из окна с удивлением, как снег летит под фонарем, все будто в первый раз.

Тексты живут внутри, но не торопятся наружу. Греются, толпятся, путаются, занимают очередь на выход. И в какой-то момент просто берешь и начинаешь записывать. Строки ломаются под рукой как первый лед на ноябрьских лужах, а ты все пишешь и пишешь, весь в осколках слов. Они кружат вокруг в первой зимней пурге, и никак не можешь собрать их и сложить воедино.

И весь он такой, этот ноябрь.

Дни тянутся долго и задумчиво. Между стылым рассветом и ледяным закатом проходит, кажется, целая вечность.

У больших городов (чуть не написала «больных городов», но и это было бы верно) особенные отношения со временем.

На учебе в Санкт-Петербурге нам рассказывали теорию про два типа отношений со временем – восточный тип и западный.

Человек восточного типа считает так: «время стоит, дви-

жемся – мы». Он верит в то, что все происходит неспроста, и полагается на случай. Расписание – не для него. Если он будет ехать на важную встречу и по дороге встретит старого друга, он не выйдет на своей остановке, а продолжит беседу. Потому что случившееся для него важнее запланированного.

Человек «западный» живет по графику. Ему важно, чтобы все было в срок, четко по договоренностям. Если что-то происходит не так, как задумано, то это для него большой стресс. Встретив старого друга, он уж постарается не опоздать на работу.

И ведь что самое интересное? Во что человек верит, то ему и помогает. «Восточный» заболтается с другом и пропустит совещание, но зато друг предложит ему работу мечты, какую тот давно искал. «Западный» успеет вовремя на встречу и получит повышение как самый пунктуальный сотрудник.

Я решила, что я восточный тип. На следующий день ехала на лекцию, и на Невском была пробка. Я могла выйти и дойти пешком вовремя или довериться случаю и остаться в автобусе, опоздав на лекцию. На улице было мерзко, а в автобусе тепло и уютно, так что я осталась. В итоге опоздала на лекцию на полчаса, тихо вошла в аудиторию, села и услышала, как преподаватель сказал: «Итак, я еще раз прошу прощения за свое большое опоздание, давайте начнем лекцию. Напишите тему...»

Восточное мышление не подвело.

Сию, вспоминая лето, считаю дни ноября, чувствую, как стоит время – и как проходим мы.

Сегодня я не поехала в отпуск. Подумала, Питер подождет меня еще немного. Испугалась, если честно.

Каждый раз, приезжая в этот город, я встречалась с собой. Все, что было внутри замолчано, затоптано, запрятано – неумолимо вылезало наружу, выливалось в стихах, текстах, музыке, звучало вокруг меня, ходило со мной по питерским улицам, металось эхом по дворам-колодцам и шептало ночью на ухо в гулких старинных комнатах. Обмануть себя Питер еще ни разу мне не позволил.

А в этот раз я сказала близким, друзьям и себе, что погода плохая. Что я заболела. Что не хочется ехать в одиночестве. Сдала билеты и теперь, сидя на кухне, физически ощущаю расстояние между собой и Питером как недоразумение. Душа моя стремительно сокращает километры навстречу Питеру, в то время как я пью чай в многоэтажке Нижнего.

Не в погоде же дело. Страшно было приехать туда и ощутить состояние «общей хреновости». Тяжело бы было признать, что в моей собственной жизни от меня осталось не слишком много. Что я почти перестала себя понимать. Что то, что люблю, я откладываю, а то, что не хочется – делаю. Трудно было бы признаться тебе, Питер, что я больше

не пишу стихов, что все реже открываю пианино, что так и не научилась играть на скрипке. Что моментов, ради которых стоит жить, стало невероятно мало. Что я как-то ужасно устала. Все это я хотела скрыть от тебя, мой верный Питер, и от себя тоже.

Но ты все-таки хорошо научил меня слышать. И теперь все это летит на меня в пустой квартире, и отгонять этот морок больше нет сил.

Слушай меня, Питер.

Немногие понимают мое стремление возвращаться туда, где уже побывала. «Мир такой огромный, хочется посмотреть как можно больше», говорят они.

Но, знаете, для меня очень важно возвращаться. Если я где-то была один раз – то «побывала», а если два и больше – то «бываю», и это огромная разница. Пить чай в одном и том же кафе, загорать на одном и том же камне, спросить дорогу у той же продавщицы в том же магазине, пусть и с интервалом в несколько лет, – это уже совсем иное. Это и есть самое важное – чувствовать себя частичкой этого места, приезжать, обнаруживать его снова таким же, родным, знакомым, иметь «свой» камень, «свой» залив в море. Уезжая, знать, что ты оставляешь все это здесь и начинать мечтать о следующей встрече уже зашагивая в самолет.

Что же такого особенного происходит, когда путешествуешь в одиночку? Теперь я знаю точно. Да, в компании люди тратят больше времени и сил на согласования, куда ехать, что делать, как провести время – но это не самое важное. Важнее другое.

Когда путешествуешь вдвоем, вчетвером – это закрытое сообщество. Вроде и общаешься с другими, и видишь мир вокруг – но как-то вполсилы, точнее, «в половину души». Если ты приезжаешь не один – ты остаешься частью своей страны, своего мира, остаешься в привычных ролях, и между тобой и чужой страной все равно стоит стена. Когда в одиночку едешь – ты открыт, и вот эта подлинная энергия затягивает к тебе людей и события.

Приезжая в другой город в полном одиночестве, я умудряюсь почувствовать себя истинным жителем этого места. Погрузиться в ощущение, что я каждое утро всю свою жизнь просыпаюсь именно в этой кровати, покупаю булочки и апельсиновый сок на углу, хожу по этим улицам. И на эту энергию новой жизни всегда приходят люди, готовые на какое-то время стать ее частью, и города, которые по-настоящему принимают меня и стирают грань между расстояниями и временами.

Почему-то эта потребность «становиться своей и иной» очень сильна. Может, это какой-то предок недопрожил множество своих вероятных жизней, а может, это я все не могу

смириться, что за одну жизнь нам принадлежит только одно время и место, и все пытаюсь рассечь границы.

Да, это она, та самая осень. Черно-сумеречная, блестящая, дождевая. Та самая осень, которая по дороге домой застанет тебя в проулке, усыпанном склизкой листвой, обшаривает твои карманы и вытряхивает из них воспоминания, все-все, до единого, а потом дерзко улыбается и смотрит на тебя, в то время, как ты стоишь растерянный, в окружении собственных вопросов, сомнений, чувств и нисколько не знаешь, что со всем этим делать.

Это именно та самая осень, которая заставляет тебя, едущего домой по привычной дороге, резко повернуть руль, направить колеса на другой путь, болезненно знакомый когда-то и почти забытый теперь. Это именно она может в самый неподходящий момент согнуть тебя, переломить через колено от боли – той настоящей боли прошедшего, которое прошедшим не стало и до сих пор путешествует с тобой в необъятных твоих карманах.

Именно она знает твои ночные кошмары, твою бессонницу и ту черную ледяную темноту, которая неизменно льнет к твоим окнам каждую ночь. И да, это она каждый раз отправляет за тобой по темной улице бесплотные призраки, легкие до такой степени, что обернешься – и нет никого, а в то же время холодок растекается по коже, и жутко, жутко.

Да, это та самая осень.

Спокойной ночи.

На исходе ноября решила поднимать иммунитет. Заполнила холодильник фруктами и овощами, освоила контрастный душ, ежедневные прогулки, спорт, полноценный сон, хорошие мысли и прочее. Занялась здоровьем, в общем. Ем морковку всякую и горжусь собой. Через неделю спрашиваю у друзей: ну, как я выгляжу? Устало, говорят, выглядишь, и нехорошо как-то, случилось что-то у тебя?

Вот тебе и здоровый образ жизни...

Ноябрь, ты победил.

С тех пор, как наш город погрузился в туман, мне стало странно в нем жить. Не могу привыкнуть к тому, что мир вокруг стал зыбким, нечетким. Идешь по дороге, и возле тебя проясняются серые многоэтажные громады, на трассе из мглы вырисовываются слоновьи хребты грузовиков, плотный воздух тут и там разодран, и из него выглядывают красные огни светофоров, будто глаза затаившихся хищников.

В тумане все становятся одинокими. Этакие ежики с узелками за плечом. Ходят медленно и будто немного сонно, одичавшие, усталые от скитаний. Туман пробирается внутрь, и в глазах прохожих отражается белесая пелена. Бесплотный

морок окутывает ноги, и шаги становятся ватными.

В это время очень легко ошибиться, поэтому на всякий случай на улице лучше не узнавать никого. У идущего мимо может быть знакомое лицо, но не окликай его, ведь он может обернуться, и если ты увидишь, как это лицо искажается, как сквозь знакомые черты проступает страшное, стылое, одинокое, чужое – этого ты никогда не сможешь забыть.

Ноябрь – это агония осени. Это сила без вектора, дорога без направления, путь без видимости. В это время с людьми происходят самые необычные встречи, очень важные, но совершенно безысходные. Потому что ноябрь – это время, когда никого на самом деле и нет. Ни тебя, ни меня. Как дорога обрывается в тумане – она вроде есть, но идти по ней нельзя – так и мы в последние дни осени обрываемся, тонем, теряемся где-то между мирами.

Чуть позже мы оживем, в декабре, с первым снегом, просветлеем и вернемся сюда. И с удивлением обнаружим, что несколько наших дней затерялись где-то в ноябрьском тумане и лучше их не искать.

Зато в ноябре вместе с отчаянием внутри оживает самая страшная и потрясающая сила – это «хочу», пришедшее откуда-то из глубины. Не рациональное и убедительное «хочу», возникшее из планов, принципов, воспитания, жизненных представлений, а то самое, всепроникающее, жгучее, ха-

отичное, удивительно уверенное «хочу», которое появляется как волна из моря, бесповоротно и неукротимо.

Когда это случается, весь мир поворачивается к тебе, выкладывает перед тобой самые удачные и нужные карты, и все происходящие события создают дорогу к желаемому. Потому что иначе и быть не может.

Так однажды в ноябре я встретила с Парижем.

Огромнейший аэропорт Шарль-де-Голль – как страна чудес Алисы: едущие в разных направлениях транспортные ленты и много удивительных бегущих человечков. Объединив свои усилия с дружелюбным мексиканцем Оскаром (он от растерянности начал со мной говорить по-испански, а я от испуга вспомнила, что знаю испанский), мы нашли знаменитый парижский поезд RER и отправились в столицу.

А дальше все случилось очень быстро. Я села в такси, и через полминуты на меня из-за угла без предупреждения выскочила Эйфелева Башня во всей ночной красе. Мы проехали под ней. Париж начался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.